

К ДВУХСОТЛЕТИЮ ГОГОЛЯ

Александр МЕЛИХОВ

НОВЫЕ ГОГОЛИ

Когда в феврале 1952 года на заседании комитета по премиям его имени товарищ Сталин заказал сатириков: «Нам нужны Гоголи. Нам нужны Щедрины», – уже через полгода в отчетном докладе XIX съезду партии товарищ Маленков повторил эти слова в творческом развитии: «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины». **Советские** означало «ни на что серьезное не покушающиеся».

И в скором времени, правда, уже после смерти вождя, среди пишущей братии, вечно компенсирующей иронией свою униженность, разошлась эпиграмма: «Мы – за смех! Но нам нужны по-добрее Щедрины и такие Гоголи, чтобы нас не трогали». Однако и сам отец народов, и фрондерствующие литераторы объединили Щедрина и Гоголя в некую каноническую пару в силу затянувшегося недоразумения. Желчный Щедрин во всей природе не пожелал бы благословить ничего осуществившегося – любая мечта могла быть ему симпатична разве что в стадии гонимости, куда могла служить обличением иных, господствующих сил. Ведь всякая идеология есть не более чем попытка придать всеобщее значение каким-то личным впечатлениям, а личные впечатления от человеческой природы у Щедрина были более чем безрадостные – в результате щедринская картина мира отличалась от гоголевской не менее, чем «История одного города» и «Пошехонская старина» отличаются от «Тараса Бульбы» и «Старосветских помещиков». И если бы Щедрин когда-нибудь пожелал воскликнуть: «О Русь моя! Жена моя!», то беспристрастные мемуаристы немедленно подтвердили бы, что и к жене он относился примерно так же, как к России: «Дура, дура, дура!.. Ну, куда ее понесло в эту погоду! Как за малым ребенком смотреть надо... Уж будьте добры, пошлите ей навстречу какие-нибудь теплые вещи!».

Восторженный же Гоголь вполне возвышенно относился и к монархии, и к православной церкви, и вообще был убежден в глубинном превосходстве русского духа над погрязшим в рационализме Западом. Поэтому Гоголь долго пребывал в простодушном убеждении, что, бичуя казнокрадство, взяточничество, хамство, он помогает власти и народу двигаться к ослепительному общему будущему. И когда его «Ревизор» сторонниками существующего порядка был назван клеветой на Россию, а противниками, наоборот, превознесен в качестве горькой правды о той же самой России, Гоголь был потрясен. Впоследствии он даже пытался доказать, что изображал не людей, а собственные пороки, что государственное устройство Российской империи не требует никакой радикальной перестройки, а просто всем подданным, от чиновников до частных лиц, нужно добросовестно исполнять свои обязанности, однако его книга «Выбранные места из переписки с друзьями», где он все это проповедовал, принесла ему главным образом проклятия и насмешки.

Все это прекрасно известно всем желающим и отчасти даже нежелающим. Менее известно гоголевское письмо Жуковскому, в котором великий сатирик повторяет на все лады: «Искусство есть примирение с жизнью». И Гоголь совершенно прав, если как следует осознать, что едва ли не со всеми своими трудностями и лишениями человек может примириться и сам – если ощущает себя красивой и значительной, а не жалкой и ничтожной личностью.

Да вот только без помощи искусства это почти никому удается...

Работая с людьми, пытавшимися добровольно уйти из жизни, я постепенно понял, что мало какое несчастье способно сломить нашу волю к жизни само по себе: убивает несчастье в сочетании с унижением. И социальные унижения ранят нас так больно прежде всего потому, что наша униженность в социуме открывает нам глаза на нашу униженность в мироздании.

А когда мы сознаем всю нашу мизерность, мимолетность и беспомощность в бесконечно могущественном и бесконечно равнодушном космосе, нет такой царапины, которая не сумела бы нас убить. Подобно тому, как убивают тысячи и тысячи микробов, а защищает лишь иммунная

система, так и привести к самоубийству могут тысячи и тысячи причин, а защитить только одна – наша фантазия. Система иллюзий, позволяющая нам ощущать себя красивыми и значительными. Как правило, эта система, именуемая культурой, бывает коллективной и наследственной, ибо лишь редкие безумцы способны верить в собственные, а не чужие сказки. Потому-то из-за имущества способны убивать только особые злодеи, а за оскорбление национальных химер может убить почти каждый (или, по крайней мере, закрыть глаза, когда это делают другие): в наших химерах, в наших иллюзиях заключается наше главное достояние, их сохранность – вопрос не комфорта, а буквально жизни и смерти.

Мы и людей разделяем на своих и чужих прежде всего по тому, разделяют они или не разделяют наши духоподъемные грезы. И защитить эти грезы мы можем либо возвышая «своих» и себя вместе с ними, либо принижая своих обидчиков. Гоголь пользовался и первым, и вторым методом – Щедрин только первым: принижением врагов. Однако у Гоголя и приниженные, враги оставались забавными и совсем не страшными, едва ли не милыми, с кем примириться совсем не трудно, а у Щедрина они бывали и страшными, и мерзкими, и утешительным в их образе для нас было одно: мы явно были лучше. А вот Гоголь в своей многократно и поделом осмеянной книге осмелился сказать нечто обратное: мы вовсе не лучше, мы виновны не менее, чем наши обидчики. Именно этого ему и не простили либералы, для кого, как людей интеллигентных, политические убеждения были и остаются лишь средством морального самовозвеличивания. Ведь интеллигентом человека делают вовсе не знания, но забота о красоте своего морального облика. И если во всяком начинании его волнует прежде всего собственная красота, а не практический результат, – значит он интеллигент, если даже ему неизвестно, что Волга впадает в Каспийское море.

Либеральная интеллигенция многократно и заслуженно упрекала Гоголя, что его положительные герои не жизненны. Но разве его Хлестаковы, Ноздревы, Маниловы и Чичиковы так уж и с подлинным верны? Порождения гоголевской сатирической фантазии лишены главного, что делает человека человеком, – они лишены внутреннего мира. У них нет мечтаний, исключая самые карикатурные типа маниловских или хлестаковских, им неведома тоска, страх смерти, боли, старости, у них нет тяжелых воспоминаний об утратах и обидах – нет всего того, что сближает нас даже с самым страшным злодеем или последним дураком, стоит нам заглянуть в их воображение. Гоголевским прохвостам сострадать невозможно, равно как и невозможно ненавидеть их – ими можно только любоваться. Отсутствие внутреннего мира Гоголь возмещает внешней яркостью с такой гениальной избыточностью, что мы замираем перед его созданиями, разинув рот от восхищения.

Покуда он не начинает вместо преувеличенного порока изображать столь же преувеличенную добродетель. Только тогда наше критическое чувство встает на дыбы – ибо преувеличенная добродетель служит нам упреком, тогда как преувеличенный порок, напротив, порождает в нас ощущение собственного превосходства, почти совершенства: уж по сравнению-то с этим жульем мы честны, уж по сравнению-то с этим дурачем мы умны!

Короче говоря, сатира Гоголя действительно примиряет нас с господствующим злом, а не возмущает против него, и если, призывая на помощь партийному руководству советского Гоголя, тов. Маленков имел в виду нечто подобное, то нельзя не восхититься его государственной и особенно литературоведческой мудростью. Все-таки на литературоведа его совсем не учили.

Впрочем, мы все учились понемногу. Но, тем не менее, прекрасно выучились презирать тех, кому удалось восторжествовать над нами в реальной жизни. Однако у самых благородных из нас это презрение не настолько прочно, чтобы они согласились забавляться образами своих врагов, превратив их в уморительных кукол. Поэтому если бы сегодня явился новый Гоголь, то, скорее всего, он навлек бы на себя упреки в легковесности, в легкомысленной склонности шутить такими святыми вещами, как коррупция и равнодушие к демократии.

Это у интеллигенции. А народ попроще нового Гоголя скорее всего и вообще не заметил бы: и возвеличивать себя, и оплевывать своих обидчиков он сегодня может гораздо более простыми и действенными средствами политической пропаганды, обеспечивающей чувство единства с великим государством. Тем же квазиинтеллигентам, кто обречен на поиски индивидуального спасения, по вполне доступной цене открыты любые дары массовой культуры. В мире иллюзий сегодня в цене примерно то же, что и в реальной жизни, – оружие и наркотики. То, что побуждает к реваншу и пробуждает веру в победу, и то, что дарит забвение.

Недавно одна английская газета через своего московского корреспондента обратилась ко мне с вопросом: возможен ли в сегодняшней России сатирик гоголевского накала? Вот, мол, Россия царская, недемократическая, позволяла Гоголю весьма обидные обличения. А есть ли в нынешних литературных рядах такие же свободно дышащие и свободно издающиеся обличители нынешней бюрократической системы, казнокрадства, взяточничества и прочих общеизвестных пороков современного российского общества?

Иными словами, живы ли сегодня гоголевские традиции?

Несколько лет назад Союз писателей Петербурга вместе с правительством города учредили литературную премию имени Гоголя. И обнаружилось, что Гоголь породил не одну, а несколько традиций – поэтому премию разделили на три номинации, каждой из которых было присвоено имя какого-то программного произведения Гоголя. Премией «Шинель» награждались произведения, сострадающие судьбе маленького человека; премией «Тарас Бульба» – произведения на «героическую» тему; премия «Нос» предназначалась для фантазмагорий.

И я могу с полной ответственностью утверждать, что хотя ни одну из победивших книг нельзя назвать равновеликой гоголевским архетипам, многие из них даже в эпоху «перестройки» проходили бы в печать с большим трудом, а пройдя, сделались бы хотя бы кратковременной общественной сенсацией. В нынешнюю же эпоху подавления свободы слова все они были опубликованы совершенно свободно и оживление вызвали главным образом среди любителей литературы, но не среди политизированной общественности. Сегодняшняя власть контролирует лишь самые массовые – телевизионные – каналы информации, писателям позволяя забавляться в их песочнице чем заблагорассудится. Как заместитель главного редактора журнала «Нева» могу засвидетельствовать, что за все годы моего редакторства даже самые острые публикации ни разу не вызвали ни малейшей реакции власти.

И эта позиция власти – мели Емеля, твоя неделя – обижает писателей гораздо сильнее, чем прежние преследования.

Нового Гоголя без поддержки власти – поддержки, заключающейся в гонениях и запретах, сегодня создать невозможно.

Да и одной социальной поддержки было бы маловато: чтобы явились новые Щедрины и Гоголи, необходима вера в какой-то высокий идеал – и горечь от поругания этого идеала. И хотя с поруганиями обстоит вполне благополучно, достаточной горечью нам все равно не напитать свое перо, ибо эти поругания уже давно представляются нам чем-то нормальным.

То есть мы сумели примириться с ними и без помощи искусства.

А значит нам больше не нужны ни Щедрины, ни Гоголи.